В другом месте своего „Моления“ Даниил требует платы за свои „слова“, за свое „глаголание“, за свой „ум“, который считает богатством. Описав различных слуг, увеселяющих королей и салтанов, Даниил говорит: „Ту бо остану много глаголати, да не во мнозе глаголании разношу ум свой и буду, яко мех утл, труся богатьства, а в руце не имех, уподоблюся жернам, иже люди насыщают, а в себе не могут наполнити жита“.[1] Следовательно, князь своей щедростью должен оплатить его „многоглаголание“, его „разнесение ума“ — очевидно остроты, советы, „мудрость“. Далее Даниил сравнивает себя с птицей, „частящей песнями“. Близко познакомившийся при дворе князя с его скоморохами, Даниил как бы ставит себя в положение тех, кто получал „милости“ за увеселения князя, и, находясь в таком же положении, вводит в свой стиль элементы типично скоморошьих шуток: „дуть в утлу кадь“, „гоняться после шершня с метлою о крохи“, „скакать со столпа по горохово зерно“, „ездить верхом на свинье“ и т. д.

Балагурство Даниила особенно ярко проявляется там, где он рисует один из путей, которым ему придется пойти, если князь не избавит его от нищеты. Этот выход из нищеты — женитьба на богатой, но „злообразной“ жене. Тут всё пущено в ход Даниилом, чтобы поярче нарисовать свое семейное „счастье“ и тем посмешить и разжалобить князя. „Жена бо злообразна подобна перечесу: сюда свербит, сюде болит“.[2] Она „кривозорока, подобна черту, ртаста, челюстаста, злоязычна“.[3] В довершение всего Даниил представляет ее в наиболее смешном для нее положении: любующейся на себя в зеркало. „Видех жену злообразну, приничюще к зерцалу и мажущися румянцем, и рех ей: «Не зри в зерцало, видевше бо нелепоту лица своего, зане болшую печаль приимеши»“.[4] Другая, не менее комическая сценка рисуется Даниилом с этой же безобразной женой. Она объясняется в любви не любящему ее мужу: „И рече мужу своему: «Господине мой и свете очию моею! Аз на тя не могу зрети: егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тела моего, и поничю на землю»“.[5] Отсюда вывод: „Ту лепше ми вол бур вести в дом свой, неже зла жена поняти: вол бо ни молвить, ни зла мыслить; а зла жена бьема бесеться, а кротима высится, в богатестве гордость приемлеть, а в убожестве иных осужаеть“.[6]

Острословие Даниила носит признаки скоморошьего балагурства. Сюда могут быть отнесены многочисленные небылицы, которыми пересыпает свою речь Даниил. „Не едал бо есми от песка масла, а от козла млека, ни безумнаго мудрости глаголюща“;[7] „ни мертвеца посмешити, ни безумнаго наказати“;[8] „коли иметь свиниа на белку лаяти, тогды безумный уму научится“;[9] „ни моря уполовнею вычерпать, ни нашим иманием дому твоего истощити“;[10] „не лепо у свинии в ноздрех рясы златы, тако на холопе порты дороги“;[11] „аще бо были котлу во ушию златы колца, но дну его не избыти черности и жжения“;[12] „кто

[1] Н. Н. Зарубин, ук. соч., стр. 71, 72.
[2] Там же, стр. 69.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 27.
[5] Там же, стр. 29.
[6] Там же, стр. 27—28.
[7] Там же, стр. 72.
[8] Там же, стр. 24.
[9] Там же.
[10] Там же, стр. 67.
[11] Там же, стр. 60.
[12] Там же, стр. 60—61.